

**Геннадий Филиппович ШАФРАНОВ-КУЦЕВ —
ректор Тюменского государственного
университета,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ**

УДК 316.354:351/354

УНИВЕРСИТЕТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ.

АННОТАЦИЯ. Автор исследует взаимозависимость формирования гражданского общества и университетской автономии. Выводы сделаны на основании исторического обзора развития гражданского общества и университетов в Европе, США и России. По мнению автора, университетская интеллигенция является решающим фактором формирования гражданского общества.

The author scrutinizes the interdependence of civil society formation and universities' autonomy. Conclusions are made upon thorough historical survey of both civil society and universities' development in Europe, in the USA and in Russia. The author considers university intellectuals to be the core factor of civil society formation.

Высокий уровень интереса к процессам формирования гражданского общества, манипулирование соответствующей терминологией можно до некоторой степени объяснить его ролью в качестве заменителя левой идеологии, в условиях ее глубокого кризиса, альтернативой глобальному капитализму, а также в качестве основного методологического принципа развития демократии, защиты от авторитаризма, злоупотребления властью, организационной структуры для консолидации сил оппозиции. Так что обращение к проблематике гражданского общества происходит по самым различным основаниям, и прежде всего в тех странах, в которых идет глубокая трансформация экономики, политических институтов, духовных ценностей, поиски новой национальной идеи. К ним, несомненно, относится Россия, новые государства, сложившиеся на постсоветском пространстве, страны Восточной Европы и др.

По мнению одних авторов, в нашей стране гражданское общество сложилось в своеобразном, деформированном виде и надо принимать его как данность. По мнению других, в России гражданского общества не может быть, как говорится, по определению, в силу специфики российского менталитета, для которого всегда были традиционными этактические настроения, стремление к патернализму. Между двумя полярными точками зрения десятки других подходов и определений с различными вариациями — от восторженного оптимизма до тоскливого пессимизма.

Бесспорно, что в нашей стране идут процессы формирования гражданского общества, идут болезненно, своеобразно, как и многое другое, что происходит в современной России. Реставрируются некоторые институты гражданского общества, сложившиеся еще во второй половине девятнадцатого века (местное самоуправление, суд присяжных, благотворительная деятельность), освобождаются от огосударствления институты гражданского общества, сформировавшиеся в советский период истории (профсоюзы, студенческие, экологические, молодежные, ветеранские организации), копируются некоторые структуры гражданского общества из опыта западных стран (многопартийность, предпринимательские ассоциации, правозащитные организации и т. п.).

Однако в нашей стране действительно многие из признаков, характеризующих цивилизованную демократичную страну, проявляются весьма специфично. К примеру, на уровне политических лидеров и государственных институтов звучат заявления о диктатуре закона, строительстве правового государства, а в реальной жизни процветает правовой беспредел, коррупция, сращивание государственного аппарата с криминальными структурами. Демократизация общества считается чуть ли не самым главным завоеванием либерально-демократической революции 1991–1993 гг., а в жизни, после некоторого всплеска политической активности населения в начале 1990-х гг., апатия и пассивность населения, процент участников многочисленных выборов гораздо ниже, чем в условиях командно-административной системы. Законодательные органы власти различных уровней все время понижают планку легитимности выборов. Причем, не желая видеть глубинных тенденций этих процессов – неверие и недоверие власти, голосование против всех кандидатов, как своеобразной формы социального протеста — мотивируют принимаемые законы приверженностью к демократическим университетам: «не следует загонять граждан к избирательным урнам». Так недалеко и до того, когда легитимными будут признаваться выборы: количество зарегистрированных кандидатов на ту или иную выборную должность плюс голос еще одного избирателя. Как основной принцип государственного строительства объявлен принцип разделения властей, сдержек и противовесов, самостоятельность и независимость органов местного самоуправления, а на практике — всевластие, по сути, авторитаризм исполнительной власти на всех уровнях государственного устройства, игнорирование интересов и прав местного самоуправления. Свобода прессы порождает грязные технологии манипулирования людьми, олигархические медиа-империи, телекиллеров, газеты-однодневки и тому подобные вещи.

Примечательно, что глава представительства Фонда Форда М. Маколи, соглашаясь с мнением о слабости российских общественных организаций и непрочности их горизонтальных связей, в своем выступлении на научной конференции по проблемам гражданского общества высказалась следующим образом: «Если бы в Америке, в любой стране Европы была ваша налоговая система, ваша налоговая полиция, ваше Министерство юстиции — везде гражданское общество быстро бы исчезло». [1]

Именно поэтому возрождающееся в России гражданское общество нуждается в поддержке широких масс населения, которые, в первую очередь, должны проникнуться пониманием того, что только выстроив гражданское общество, можно в известной мере гарантировать необратимость процессов демократизации, цивилизованных рыночных отношений и других ценностей.

И, возможно, процессы формирования в нашей стране даже отдельных элементов гражданского общества дорогого стоят, если его ростки пробиваются через ментальные традиции населения, сопротивление чиновничье-бюрократических структур, обломки и завалы псевдогражданских структур, оставшихся в наследство от советского периода истории.

По определению профессора Ю. М. Резника, «Гражданское общество есть область частной, не подконтрольной напрямую государству жизни людей. Гражданское общество представляет собой социум свободных и ответственных граждан, сознательно управляющих делами государства и добросовестно выполняющих свой долг». Отметим, что термин «гражданский» сопоставим по смыслу с термином «цивилизованный». И. И. Кравченко считает гражданским «общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми, политическими отношениями между самими индивидами, не опосредованными государством». По мнению А. В. Миронова, таковым является «состояние общества, которое характеризуется наличием социальных классов и слоев, имеющих собственные, не зависящие от государства источники существования». С точки зрения А. Миграняна, «гражданское общество — это сфера самопроявления свободных индивидов, ассоциаций и организаций граждан, которая ограждена необходимыми законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государства». И, наконец, по мнению И. Шапиро, «гражданским является общество с множеством разделительных граней, совокупность разнообразных (этнических, религиозных, профессиональных и локальных) групп, ассоциаций, образующих ряд защитных структур между индивидом и государством».

Наиболее удачным нам представляется определение, данное Г. Г. Дилигенским. По его мнению, «гражданское общество представляет собой совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных оказывать воздействие на нее. Необходимым условием функционирования таких отношений и институтов является существование в обществе определенного типа личности, который характеризуют, с одной стороны, «достаточно высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще, к государственной власти в особенности», с другой стороны — «способность конструктивного социального взаимодействия с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способности их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах» [2].

В основе такой разноголосицы мнений находится европоцентристская установка, согласно которой гражданское общество есть результат длительной эволюции западной цивилизации и ее институтов. Такой подход особенно характерен для тех авторов, которые на первое место в институтах гражданского общества ставят институты и ценности правовой защиты личности и ее частнособственнических интересов. Сторонники этого подхода в первую очередь ищут в российском обществе такие же ценности и институты или, по крайней мере, их зачаточные формы, а не найдя необходимых аналогов, склонны снять проблему гражданского общества вообще.

Следует согласиться с позицией В. Н. Руденкина, который считает, что «гражданское общество — феномен исторический: его сущность, структура, функции, формы взаимоотношений с государством не являются раз и навсегда заданными. Каждая историческая эпоха задает некие предельные масштабы этого пространства человеческой свободы, формулирует свой идеал гражданского общества и создает соответствующие предпосылки для его практической реализации. Поэтому мы вправе говорить не только о разнообразии его исторических моделей, но и о различной степени практического воплощения этого идеала в той или иной стране» [3].

Важно подчеркнуть, что понятие свободы распространяется на все стороны жизнедеятельности гражданского общества. В политической области его связывают с гражданскими и политическими свободами и правами личности. В экономической области оно выражается в свободном существовании различных форм собственности, независимых от государства экономических источников существования граждан. В духовно-идеологической сфере оно реализуется в виде свободы слова, печати, совести и т. д. Однако в реальной практике в зависимости от конкретных условий развития общества акцентируются те или иные аспекты свободы, прав гражданина. Когда в КНР включи-

ли гражданское общество в свою идеологическую систему, там отказались взять западные, демократические ценности, институты и идеи – китайцы используют в национальной идеологической системе такую модель гражданского общества, которая не имеет ничего общего с оппозицией к государственной власти или администрации. Для китайцев гражданское общество является инструментом социально-политического диалога, предотвращающим социальные беспорядки внутри общества.

У нас есть достаточно оснований полагать, что официальная идеология российского истеблишмента близка к китайской трактовке, пониманию гражданского общества как необходимого и возможного в условиях нашей страны. В этом ключе работают ценностные ориентации большинства граждан России, которых мало затрагивают идеи гражданского общества, как и многие другие демократические ценности.

По данным социологических исследований начала девяностых годов, большинство россиян изначально связывало ценности демократии не столько с политическими свободами, сколько с материальным благополучием. Убежденность в способности демократического государства обеспечить высокий уровень жизни, экономическое процветание страны сделала миллионы российских граждан сторонниками демократических преобразований. И как только российское общество в результате реформирования столкнулось с экономическими и социальными проблемами, наступило массовое разочарование многих в демократических ценностях.

Заслуживает внимания и точка зрения на гражданское общество, как энергию общественной самодеятельности и самоорганизации граждан. Люди по своей природе активны, и эта активность проявляется не только в сугубо частной жизни, но и как общественный интерес к общим делам, побуждающий их к участию в публичной политике. Определив эту главную пружину гражданского общества как энергию общественной самодеятельности, можно двигаться дальше, выяснять формы ее выражения, механизм генерации и распространения, структуры и институты закрепления и функционирования. При этом обнаруживается многообразие этих форм и проявлений, разнотипность составляющих гражданского общества, организаций, в том числе мафиозных и корпоративных структур, свидетельствующих о наличии не только здоровых, но и болезненных, паразитических процессов [4].

Было бы правильным реально оценивать потенциал гражданского общества, накопленный в советский период истории. Неразумно полностью отрицать тот факт, что в советское время были созданы многие структуры, их называют нередко квазигражданским обществом. Различных организаций было более чем достаточно в самых различных сферах жизни. Другое дело, что векторы их деятельности были направлены не снизу вверх, от общества к государству, а в обратном направлении. В условиях однопартийной системы и авторитарного государства большинство структур рассматривались как приводные ремни партии, призванные проводить ее линию в самых широких массах. Некоторые авторы полагают, что российское общество уже пережило период расцвета публичной сферы и гражданской активности. Это общество в некоторых чертах сходно с современным западным обществом и его можно определить как постгражданское [4].

Опыт истории показывает, что в формирование гражданского общества в Западной Европе и Северной Америке наряду с церковью, средневековыми городами решающий вклад внесли университеты с их изначальной автономией, средоточием интеллектуальной элиты. Кстати, большинство теоретиков гражданского общества работали в университетской среде и их идеи разделения гражданского общества и государства, гражданского общества как цивилизованной формы жизни, частной собственности как основы гражданского общества, необходимость гражданского общества для защиты от государственного деспотизма путем создания гражданских ассоциаций, гражданское общество как гарант всеобщих прав человека, находили самую благодатную почву в среде средневековых университетов.

Система высшего образования, сохранившаяся в своих основных принципах до настоящего времени, возникла в континентальной Европе ровно тысячу лет назад — в самом начале 11-го в., когда открылся старейший европейский университет в Салерно. В 1119 г. создается Болонский университет, послуживший затем образцом организации университетов в других странах. В 1160 г. основывается Парижский университет, в 1167 г. — Оксфордский. Они создаются как *Universitas magistrorum et scholarium* — свободная корпорация преподавателей и студентов. Все первые европейские университеты возникают по инициативе ученых и торговых слоев городского населения.

Таким образом, первые европейские университеты вольно или невольно становились своего рода протогражданским обществом при всеобщем господстве абсолютистских порядков на европейском континенте. Именно такое состояние средневековых университетов подготовило почву для европейского ренессанса, эпохи Просвещения. При этом важно подчеркнуть, что родовой чертой, сформировавшей эту университетскую среду, стала их большая самостоятельность, независимость от государственной власти, университетская автономия.

Автономия и экстерриториальность европейских университетов были столь значительны, что власти даже не могли проникнуть на территорию университета без разрешения его канцлера. Это, например, дало возможность первому великому национальному поэту Франции — Франсуа Вийону — скрываться на территории Сорбонны от приведения в исполнение приговора к смертной казни.

Значительное развитие принципы независимости и автономности высшей школы получили в США, куда были перенесены традиции и опыт первых западноевропейских университетов. Причем здесь развитие университетских свобод шло в основном по пути наращивания экономической и финансовой самостоятельности высшей школы, как основы университетской автономии. По предложению Томаса Джефферсона, Генеральная ассамблея штата предоставила виргинскому колледжу Уильяма и Мери доходы от пошлин с ввозимых спиртных напитков и вывозимых мехов. За колледжем было законодательно закреплено право иметь своего депутата в Генеральной ассамблее штата. Позднее отстаиваемые Т. Джефферсоном принципы автономности высшей школы нашли свое выражение в федеральном законодательстве США. Кстати, этот выдающийся политический деятель США в своей политической биографии существенно выше ставил создание им первого светского высшего учебного заведения в США, чем должность президента страны, которую он занимал два срока. На памятной доске захоронения великого американца высечено: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор Декларации американской независимости, виргинского статута о религиозной свободе и основатель Виргинского университета». Далекое не случайно идеолог американской независимости на склоне лет на своей родине подготовил архитектурный проект комплекса университетских зданий, разработал учебные планы, устав университета, сформировал преподавательский состав. Как политик он видит во всеобщем образовании «наиболее эффективное средство предотвратить превращение власти в тиранию. Знание не только сила. Знание — это безопасность, знание — это счастье» [5].

Поскольку при создании российских университетов копировались немецкая и французская модели, то с известными допущениями они изначально получили и некоторые академические свободы. Вся история российских университетов заполнена, с одной стороны, многочисленными эпизодами борьбы за сохранение и расширение автономии, самостоятельности, свободомыслия, а с другой — стремлением чиновничества ликвидировать их отличия от других государственных учреждений, интегрировать их в административную систему, как в императорский, так и в советский период отечественной истории.

Именно от университетской профессуры, студенчества, особенно тех, кто проходил стажировки, обучение в западноевропейских университетах, поступала в Россию

информация и представления об институтах гражданского общества, выдвигались идеи о необходимости самоуправления, суда присяжных, отмены крепостного права и т. п. При первых университетах создавались различные научные общества, организации, студенческие кружки. Российское государство, начиная с реформ Александра II, поддерживало такие гражданские инициативы, но при первых же попытках вторгнуться в политическую жизнь применяло жесткие карательные санкции. После того как в 1898 г. Вольное экономическое общество организовало обсуждение продовольственной ситуации в стране и придало нежелательной огласке факты голода, министерство внутренних дел совместно с министерством земледелия и государственных имуществ пересмотрели устав общества, обязали его согласовывать повестку любого заседания с министрами и запретили публичные обсуждения. В 1904 г. было запрещено Южное юридическое общество при Московском университете.

Российская система высшего образования, так же как западноевропейские университеты, во многом обязана своими успехами принципу независимости и автономности, реализованному при создании Санкт-Петербургского, Московского и других университетов.

Российские университеты всегда до 90-х гг. прошлого века учреждались государством и подчинялись только государству, они и назывались прежде императорскими, а затем государственными университетами. Но отношения с государственной властью складывались неоднозначно, чиновники всегда с большой настороженностью относились к университетам и не без основания видели в них рассадники вольнодумства. Далеко не случайно Томский университет — единственный на всю Сибирь — был создан, первоначально имея в составе всего один факультет — медицинский — самый практичный из всех сложившихся к этому времени университетских факультетов, где профессура и студенты вроде бы заняты делом, далеким от вольнодумства и крамолы. Граф Уваров, министр народного просвещения, высказывался по этому поводу достаточно откровенно: «При возрастающем повсюду стремлении к образованию наступило время пещись о том, чтобы чрезмерным этим стремлением к высшим предметам учения не поколебать порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний ..., принимая во внимание, что в высших и средних учебных заведениях чрез меру умножится прилив молодых людей, рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование болезненно, составляя лишнюю роскошь и выводя их из круга первобытных состояний без выгоды для них самих и для государства» [6].

Как подчеркивает А. Аврус, в государстве, где господствовала цензура, только университеты могли свободно получать любую литературу из-за рубежа. Таким образом, в самодержавной стране существовали своего рода оазисы демократии, в которых молодые люди, пришедшие получать знания, учились также навыкам, необходимым в гражданском обществе, выборности, оценке людей по их знаниям и научным заслугам, а не по происхождению и имущественному положению, пониманию необходимости исполнять законы и т. п. Покидая стены университета и окунаясь в повседневную жизнь, они видели ее несоответствие тем знаниям, которые они получили в университетских стенах. Отсюда оппозиционность интеллигенции к существующим порядкам, стремление их изменить. Поэтому так велик был удельный вес студентов и выпускников университетов во всех либеральных, демократических и революционных движениях и организациях России [7].

Окончательно ликвидировать университетскую автономию в императорской России, несмотря на многочисленные попытки правительственных кругов, так и не удалось. После Февральской революции Временное правительство вернуло университетам все имевшиеся у них права на автономию и самостоятельность по уставу 1863 г., и даже несколько их расширило.

Мы видим, что университетская автономия, академические свободы весь девятнадцатый и начало двадцатого века были в эпицентре борьбы, противостояния академических кругов и политической элиты России, развиваясь по своеобразной синусоиде. Однако важно отметить, что самые большие подвижки в развитии отечественного университетского образования приходились на годы либерализации, когда немногочисленные университеты получали относительную академическую свободу и автономию.

После Октябрьской революции новые власти строили свои отношения с университетами на основах, исключавших всякую автономию, классифицированную как буржуазные предрассудки. В 1922 г. по университетам прошла волна профессорских забастовок против отмены университетской автономии, против новых правил приема в вузы. Среди нескольких сот ведущих интеллигентов, высланных в августе 1922 г. по прямому указанию В. И. Ленина за границу, большая часть была профессорами университетов. Изгнанные профессора только в Праге организовали несколько новых вузов. Среди высланных были ректоры Московского и Санкт-Петербургского университетов.

Часть университетов была просто закрыта, а в других на базе отдельных факультетов создавались узкоспециализированные вузы, все руководство которых назначалось центром. Если к этому еще добавить жесткий контроль за курсами общественных социальных и гуманитарных наук, преподаватели которых утверждались партийными комитетами, то становится ясным, что условия для проявления гражданских инициатив профессорами и студентами были предельно ограничены рамками партийных программ и директив. Постепенно сформировалось новое поколение российской профессуры, которое всю свою деятельность сводило к служению партии и государству, не знавшее даже таких определений как «гражданское общество», «университетская автономия».

Однако традиции автономности университетов были так сильны, что определенную свободу, например, систему приглашения и выборности преподавателей, российские вузы пронесли через весь советский период. В высших учебных заведениях официальные организации: профсоюзные, комсомольские, студенческого самоуправления в виде старостатов, советов общежитий в значительной мере выполняли те функции, которые в западных странах традиционно относятся к деятельности институтов гражданского общества. В настоящее время в вузах активно возрождается движение студенческих строительных отрядов, студенческого самоуправления, научного и художественного творчества и многое другое. Эти тенденции имел в виду Р. Патнэм, отмечая дефицит социального капитала в посткоммунистических странах, относящийся весьма скептически к попыткам экспортировать в них западные добровольческие ассоциации и высказавший предложение поддержать местные гражданские ассоциации, которые сумели пережить время тоталитарного правления».

Так что даже объективные зарубежные исследователи отмечают серьезный запас гражданских ассоциаций, накопленный в советский период, чего в упор не хотят замечать некоторые отечественные социологи и политологи.

Во второй половине восьмидесятых годов в период начавшейся в стране перестройки активно происходили процессы восстановления вузовской автономии: выборность руководителей вузов на альтернативной основе, опросы студентов по поводу профессионально-личностных качеств преподавателей, авторские курсы и учебники, преподавательские ассоциации и многие другие элементы традиционной для университетов автономии. Надо отметить, что все эти демократические новации встретили достаточно сильное сопротивление немалой части вузовской профессуры, особенно на кафедрах общественных наук. В эти годы прошел представительный съезд работников народного образования, состоялся студенческий форум, где высшее руководство страны впервые в российской истории без президиумных барьеров

разговаривало со студентами. В частности, после студенческого форума были энергично решены проблемы, будоражившие студенческие умы: началась перестройка гуманитарного образования, из вузовских программ были убраны идеологизированные курсы общественных наук, отменен государственный экзамен по общественным наукам, была восстановлена отсрочка от призыва в армию студентов дневных отделений, отменены обязательные сельхозработы для студентов. Так что, оставаясь на позициях объективности, стоит отметить, что к концу 1980-х гг. были в целом решены основные вопросы освобождения вузов от тотального надзора, преподаватели и студенты стали активнее принимать участие в общественно-политической жизни, реализуя свой потенциал гражданской инициативы. Активно создавались такие структуры как временные исследовательские коллективы, клубы научно-технического творчества молодежи, политических дискуссий, экологические движения, столь необычные для архитектоники советского общества.

Сегодня практически все российские университеты имеют в своих уставах формулировку: «В соответствии с законодательством Российской Федерации университет обладает автономностью и его сотрудникам и студентам предоставлены академические свободы. Под автономией университета понимается его самостоятельность в подборе кадров, осуществлении учебной, финансово-хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации и уставом». Эти права университетов были закреплены Законами Российской Федерации «Об образовании», «О высшем профессиональном и послевузовском образовании.»

Кстати, даже в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» больше говорится об ответственности вуза за свою деятельность перед личностью, обществом и государством, о контроле за соответствием деятельности вуза целям, предусмотренным его Уставом, чем об университетской автономии. Чего стоит только такое положение Закона — «предоставленные академические свободы влекут за собой (больше напоминает терминологию Уголовного кодекса) академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения» [8].

Таким образом, дважды за двадцатый век российские власти вынуждены были в полном объеме возвращать автономные права университетам, опираясь и на российские традиции, и на опыт западноевропейских и североамериканских университетов. И каждый раз это происходило в условиях революционных сломов и надежд на переустройство общественной жизни на прогрессивных, демократических основах.

Здесь самое место поставить вопрос о роли государства в управлении университетами. Создавая государственные вузы, государство берет на себя ответственность за содержание и уровень образования и за всю организацию высшей школы. Но в силу своей природы оно может управлять этой деликатной сферой в основном административными методами. Так формируется мнение, что управление высшей школой со стороны государства — источник чиновничьего произвола и бюрократизма, авторитарного вторжения в жизнь университетов, их академических свобод и автономий. Однако есть и другие точки зрения ученых, которые полагают, что «если взглянуть на проблему исторически, с учетом накопленного опыта государственного управления и руководства высшей школой, приобретшего широкое международное признание и в значительной мере усвоенного мировым университетским сообществом, то становится очевидным, что государству ставится в вину, подчеркиваем, по недоразумению, именно то, что следовало бы поставить в заслугу. Все это обязывает исследователя с особым вниманием изучить историю вопроса в динамике уходящих веков, подвергнуть тщательному историческому анализу генезис русских университетов от начала до наших дней, даже если для этого придется отказаться от привычных штампов и стереотипов, среди которых особенно распространенным является миф о якобы неустранимом противоречии науки, образования и государства» [9].

Здесь уместно поставить вопрос: случайно ли то, что высшая школа Европы сложилась как свободная, не зависящая от государства и автономная корпорация? Не особенность ли это игры социальных сил на фоне пестрой мозаики феодальной Европы?

Интеллектуальная свобода предполагает свободное обдумывание и обсуждение всего спектра относящихся к делу идей, без всякой цензуры, без отсечения. Понимание абсолютной необходимости свободы интеллектуального творчества было присуще многим культурам. Неслучайно в латинском языке слово *liber* имеет два значения: книга, письменность, сочинение, и второе значение: свободный, независимый, неограниченный. При этом значение *liber* как неограниченности сливается со значением слова *universitas* — целостность, совокупность всех частей. И вот здесь, где соединяются понятия свободы и необходимости, мы находим фундаментальную общность принципов академической свободы, вузовской автономии и основ функционирования гражданского общества.

Власти часто просто объективно вынуждены были считаться с необходимостью предоставления ученым свободы научного творчества. Сохранился рассказ свидетеля об одном разговоре между Берией и Курчатовым в конце 1940-х годов. В НКВД сложилось мнение о необходимости развенчания лживой теории относительности Эйнштейна, вносящей элемент идеализма в физику. Берия спросил мнение Курчатова по этому поводу, на что последний ответил, что, конечно, можно запретить теорию Эйнштейна, но тогда придется запретить и работы по созданию бомбы. В ответ Берия заметил, что бог с Эйнштейном и его теорией, а работы по бомбе надо продолжать. К сожалению, не во всех сферах науки и образования ситуация складывалась в пользу свободного поиска истины. Достаточно вспомнить судьбу отечественной генетики и кибернетики, социологии и некоторых других наук.

Автономность университетов, всей высшей школы во все времена являлась важнейшим фактором устойчивости и успешного развития гражданского общества и государства. Получив от государства свободу, университеты дают всему обществу знания. Прямым следствием свободного развития европейских университетов и академической мысли стал небывалый в истории человечества ренессанс культуры, триумф рациональности, промышленная и научно-техническая революции, да и вся современная западная цивилизация.

Особенностью новейшего времени являются значительные изменения в характере способа производства и производительных сил. Как отмечает известный социолог Мануэль Кастельс в недавно вышедшей монографии «Информационная эпоха», современная история характеризуется трансформацией нашей «материальной культуры» вокруг информационных технологий. Современное общество все чаще определяется как информационное. А по определению профессора А. И. Ракитова, информационное общество характеризуется тем, что в нем главным продуктом производства являются знания. Мы становимся свидетелями усиливающегося международного соревнования за лучших ученых, преподавателей и исследователей, а интеллектуальная собственность становится главным конкурентоспособным фактором.

Интеллигенция, работники умственного труда, ученые и преподаватели университетов, в силу самой природы нарождающегося информационного общества становятся основной движущей силой, главным производительным классом современного общества. Усиление позиций творческой, продуцирующей новые идеи и духовные ценности интеллигенции способствует постепенному превращению интеллигенции из обслуживающей социальные группы в определяющую силу общественного развития; аккумуляция интеллигенцией возможностей бизнеса, политики, науки, социальных движений в одном направлении — все более полной реализации потенциала личности, потенциала действующих поколений; стремление к созданию для этого благоприятной экономической и нравственной экологии [10].

Как подчеркивает автор, для развития этой тенденции необходимы соответствующие организационные формы и средства, которые наиболее адекватно выражают новую роль интеллигенции. Тем более важно, что в каждой стране, практически в каждом регионе, крупном городе сложились университеты, большие коллективы образованных и нравственно состоятельных людей, которые всегда демонстрировали свою стабильность, устойчивость, приверженность самым высоким нравственным идеалам. Однако практика показывает, что именно организационная сторона деятельности интеллигенции наиболее слаба. Даже в условиях демократизации общества интеллигенция не имеет своих структурно выраженных политических организаций, она сильно разбросана в своих симпатиях и пристрастиях.

Оценивая факты истории и современной жизни, можно утверждать, что во все времена и во всех странах университеты со своими демократическими свободами, относительной автономией от государственных структур становятся несущими конструкциями и ядрами кристаллизации гражданского общества. И в российской истории университеты всегда несли большую нагрузку в функционировании многих структур и институтов гражданского общества. Причем эта тенденция особенно характерна в первую очередь для столичных университетов в силу их близости к эпицентрам экономической и политической власти страны, активного участия университетской профессуры в выработке решений, в подготовке законов и т. п. формировании экономической и политической элиты общества.

Но еще большую значимость в функционировании основных институтов гражданского общества приобретают университеты в региональных социумах. Именно в коллективах вузов происходит осмысление новой архитектоники гражданского общества, разрабатывается идеология и программы самых различных гражданских институтов, их организационного оформления. Действительно, кто кроме университетской профессуры может докопаться и объяснить тем же молодым людям идеи Гегеля о гражданском обществе.

Известно, что в российских условиях исполнительная власть взяла на себя инициативу проведения российского гражданского форума, создание организационных структур гражданского общества на местах. Вряд ли эта инициатива сверху укрепляет доверие людей к самой идее формирования гражданского общества на всех уровнях социальной, поселенческой структуры российского общества. В этом опять же проявляется российская специфика, где государство выступает инициатором и проводником преобразований, от которых зависит судьба формирующегося гражданского общества. Роль государства велика в модернизации любого общества, однако в России она всегда была и остается исключительной. «Здесь государство являлось не просто ее инициатором, проводником и гарантом, но практически единственным субъектом, монополизирующим как разработку идеологии реформ, так и практику их осуществления, игнорирующим или недооценивающим потенциал нарождающегося гражданского общества, чаще всего подозрительно относящимся к исходящим от него инициативам» [11].

Аксиомой стало утверждение — путь к демократии лежит через развитие гражданского общества. Декларируемое российской элитой правовое государство возможно лишь на основе зрелого, структурированного гражданского общества. Для становления гражданского общества принципиально важно разделение и равенство властей. В России наметился явный перекося в сторону исполнительной власти на всех уровнях, причем не только в силу национальных традиций, менталитета, но и по причинам неразвитости, неструктурированности гражданского общества, которое только в таком состоянии может серьезно влиять, быть конструктивной оппозицией законодательной и исполнительной власти.

Крупные вузовские коллективы, в первую очередь университетов, могут быть действительной конструктивной оппозицией действиям властей, партнерами квалифицированного и заинтересованного диалога граждан с властями всех уровней. Причем в отличие от любых других оппозиционных групп вузовская интеллигенция, как правило, в высшей степени дорожит своей профессиональной деятельностью, академической свободой, не рвется во власть, не устраивает политических ристалищ, не формирует теневых кабинетов. Уже только по этому основанию надо ценить и всячески культивировать критическое мышление вузовской интеллигенции, всемерно расширять университетскую автономию, направлять творческую энергию вузовских коллективов на формирование гражданского общества. Отношение государственной власти к университетской автономии в любой стране является своего рода лакмусовой бумажкой отношения политической элиты всех уровней и к гражданскому обществу. Инициатива российской государственной власти в проведении гражданского форума и создании его структур на различных уровнях общественной организации лишь подчеркивает то обстоятельство, что политическая элита России понимает, что без становления гражданского общества, полноправного диалога государственной власти с его структурами страна не сможет продвинуться по пути реформ во всех сферах жизни.

Именно в научных и вузовских коллективах в силу целого ряда объективных обстоятельств сосредотачивается значительное число интеллектуальной элиты общества, людей с пассионарными качествами личности. Л. Н. Гумилев, которому принадлежит этот термин, понимал пассионарность как безусловное доминирование, непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленное на достижение поставленной цели. Сами эти цели в вузовской деятельности чаще всего далеки от меркантильности, стремления к высокому материальному благосостоянию. Такие люди были вымыты из вузовских коллективов уже в первые годы реформ. Действительно, при том уровне материального стимулирования аспирантов и докторантов, состояния материальной базы научных исследований надо было действительно быть пассионарной личностью, чтобы добиваться поставленной цели в научных исследованиях, видеть главный смысл своей деятельности в служении обществу.

Наиболее динамичная и интеллектуальная часть общества, сконцентрированная в ведущих университетах, по определению и во все времена критично относится к текущему состоянию общественной жизни, отторгает все омертвевшее, закостенелое в политической, экономической и духовной жизни общества. Таким образом, в университетских коллективах вызревает и проявляется этика контркультуры, идеология отказа от отмирающих, устаревших, но продолжающих господствовать в обществе ценностей. В свое время студенты и преподаватели-гуманитарии Пражского университета, сами того не осознавая, начали первый этап либерализации страны, «бархатную революцию», которая потом вошла в историю под названием Пражской весны. Известно, что критическая масса идей, негативно оценивающих советскую действительность и, в конечном счете, вызвавших перестройку в нашей стране, и либерально-демократическую революцию 1991–1993 гг., в значительной мере формировалась в столичных университетах и академических институтах России. Вузовская профессура и студенчество были разработчиками программных документов и активными участниками всевозможных массовых демократических движений правозащитных, экологических и других организаций.

Причем дело не только в количественных показателях, но и в качественных признаках влияния университетов на общественную жизнь. Ведущие университеты во многом формируют политику крупнейших государств мира через своих выпускников, докторантов, исследователей, входящих в состав политической или экономической элиты этих государств. Это в значительной степени связано с кадровой политикой ведущих университетов, где при заполнении вакантных должностей критичес-

ки оценивается, кто из известных ученых не только в университете и даже не в стране, а на планете способен занять вакантное место. Руководителями кафедр, научных центров, школ оказываются нобелевские лауреаты, вчерашние министры, менеджеры крупных корпораций и т. п. Так, во главе высшей школы физики американского университета оказался наш соотечественник, академик Сагдеев — один из руководителей советской космической программы. Надо отметить, что и представители политической элиты адекватно оценивают место крупнейших университетов в обществе, их влияние в стране. Неслучайно для выступления со значительными программными заявлениями политические лидеры чаще всего избирают именно аудитории крупнейших университетов. Фактом общественного признания деятельности политических лидеров является присвоение им степени почетного доктора ведущих университетов. Юбилеи ведущих национальных университетов практически во всех странах проходят как общенациональные праздники.

Можно напомнить, что такие политические звезды начала девяностых годов как Г. Попов, Ю. Афанасьев вместо открывавшейся перспективы политической карьеры избрали путь карьеры академической: Г. Попов стал президентом Российско-американского университета, Ю. Афанасьев создал и возглавил Российский гуманитарный университет. Профессор Омского университета Казанник уступил свой депутатский мандат, а став Генеральным прокурором, при первой же попытке манипулирования отказался от высокой должности и вернулся к работе на кафедре. Такие примеры из новейшей истории России можно было бы продолжить.

В современных российских условиях университетские коллективы и в национальном масштабе, и в регионах, без всякой натяжки самые крупные по численности, по крайней мере, крупнее большинства зарегистрированных в стране политических партий и общественных организаций. Они сосредотачивают специалистов высокой квалификации по самым различными направлениям естественных, технических, социальных и гуманитарных наук, большинство преподавателей и студентов университетов владеют современными информационными технологиями, имеют доступ к национальным и мировым информационным ресурсам через систему Интернет. Практически ни одно значительное общественно-политическое мероприятие в стране или регионе не проходит без активного участия вузовской профессуры, студенчества. Юридические кафедры университетов выполняют большой объем законопроектных работ, экономические кафедры консультируют властные структуры по самым различным вопросам социально-экономической жизни. На базе Института государства и права Тюменского госуниверситета, например, несколько лет действует такая общественная организация как областная студенческая дума, с участием студентов всех вузов города, где обсуждаются законодательные проекты. Студенты старших курсов университета организовали бесплатную юридическую консультацию для правовой помощи в первую очередь социально не защищенным гражданам.

Надо отметить и то, что вузовская профессура пользуется большим авторитетом не только в своих коллективах, но и среди представителей других социальных групп. Неслучайно ректоры двух ведущих тюменских университетов — классического и нефтегазового — избраны депутатами областной Думы.

Вузовские коллективы, с внутренне присущей им демократичностью, большим числом структур, объединенных по самым различным основаниям, с высокой общественной активностью — самые продвинутые в плане движения к гражданскому обществу. Участие вузовской профессуры в процессах формирования гражданского общества необходимо для становления полноценной гражданской активности студенчества. Ведь ее становление хотя и является процессом реализации потенциала самореализации студенчества, нуждается в позитивном опыте наглядном примере наставников. Здесь лекциями со ссылками на Аристотеля, Гегеля и других мыслителей вряд ли можно обойтись.

Однако университетская автономия, полученная российскими вузами в начале девяностых годов и закреплённая в Законах России «Об образовании», «О высшем профессиональном и послевузовском образовании» постепенно начала размываться в результате принятия некоторых поправок к законам, попыток государственных структур регламентировать вузовскую жизнь с помощью всевозможных подзаконных актов и ведомственных инструктивных писем. Следует согласиться с мнением ректора Современного гуманитарного университета профессором М. Карпенко в том, что, несмотря на формальное признание принципа автономности вузов в современной России, на практике существует целый ряд противоречащих ему норм и ограничений, ставящих перед заказчиками и потребителями образования целый ряд жизненно важных проблем, среди которых следует выделить: практическое отсутствие академической мобильности студентов, включая прямой запрет на их переход из негосударственных в государственные вузы; нарушение автономии образовательных заведений и академических свобод преподавателей из-за жесткой регламентации содержания и форм образования посредством госстандартов; нарушение прав негосударственных вузов и их студентов.

Если в современной России есть непоказная заинтересованность политической элиты в дальнейшем развитии демократических процессов, становлении гражданского общества, то следует не урезать и не ущемлять университетскую автономию, а усиливать ее, нащупывать и всячески поддерживать новации, ведущие к ее дальнейшему, более эффективному, проявлению. Отступление от закреплённых в российском законодательстве прав университетов, дальнейшие изъятия в вузовской автономии особенно сильно ударят по формирующимся в российской жизни институтам гражданского общества в силу того положения, которое занимают университеты в экономической, политической и культурной жизни.

Вроде бы понятно, что права, как правило, никто не дает, их надо добиваться в диалоге с властью, сменив интонации, брать самостоятельно, но надо считаться и с российским менталитетом, в том числе и интеллигенции. К сожалению, конец двадцатого и начало двадцать первого века в этом плане ничего не изменили: наше новое бытие по-прежнему опережает наше сознание, мы по-прежнему просим, а не требуем у власти прав, самых обычных для университетской интеллигенции, для университетской автономии, для гражданского общества в цивилизованной демократической стране. Это и есть главное тормозное устройство, основной ограничительный фактор нашей страны на пути развития гражданского общества.

Последние новации в Бюджетном кодексе запрещают вузам самостоятельно и оперативно управлять финансовыми ресурсами. Есть опасность, что даже внебюджетные, самостоятельно заработанные вузами средства перейдут под контроль чиновников. А ведь у многих университетов внебюджетные доходы значительно превышают бюджетные средства. Следует согласиться с предложениями губернатора Томской области Виктора Кресса о необходимости изменения ст. 254 Бюджетного кодекса с тем, чтобы предоставить вузам больше свободы в управлении бюджетными средствами. Необходимо вернуться к строгому следованию ст. 7 Закона об образовании в части установления собственности вузов на внебюджетные средства и открытия счетов в банках в соответствии со ст. 8 Закона о высшем и послевузовском профессиональном образовании.

Вообще можно констатировать, что сегодня в России идут два взаимоисключающих процесса: с одной стороны, законодательно декларируются принципы автономии вузов, а с другой — последние нормы Гражданского и Бюджетного кодексов рубят всякие ростки автономии. По этому поводу можно только сказать, что нельзя допустить превращения вузов в заштатные госпредприятия, которые не будут, по сути, хозяйствующими субъектами. Законом Российской Федерации «Об образовании» высшим учебным заведениям разрешено при необходимости сдавать федераль-

ную собственность, переданную им в оперативное управление, в аренду. Однако сложившиеся методики определения уровня арендной платы по сути не дают возможности использовать это право, если учесть, что стоимость годовой аренды по этим методикам часто оказывается выше, чем стоимость нового строительства. Причем эти правила действуют даже тогда, когда структуры, размещенные на арендованных у вуза площадях, обслуживают, к примеру, инновационные центры, только высшие учебные заведения, но юридически не входят в структуру вуза. Такие бюрократические ограничители сдерживают процессы формирования мощных университетских комплексов, что является одной из целей модернизации российской высшей школы. В любом случае эти процессы не подтолкнешь одними административными мерами, наверное, нужны и какие-то преференции.

Решение всех этих вопросов крайне необходимо и для усиления социальной защищенности сотрудников высших учебных заведений. Преподаватели вузов могут быть существенной частью формирующегося в стране среднего класса. Именно с этой целью в законодательстве предусматривался уровень зарплаты преподавательского корпуса, в два раза превышающий средний уровень зарплаты в промышленности. Действительность же такова, что зарплата профессорско-преподавательского состава существенно ниже складывающейся в городе, регионе. И эти экономические обстоятельства вынуждают большинство преподавателей решать проблему «хлеба насущного» многочисленными совместительствами. Экономическое положение вузовских сотрудников и особенно профессуры не может не снижать их участие в процессах формирования, становления гражданского общества. Ведь абсолютное большинство профессуры вузов имеют один источник дохода — научная и преподавательская деятельность. Не заводить же им на самом деле фермерские хозяйства, чтобы обеспечивать свою экономическую самостоятельность. Надо видеть и оценивать и эту сторону современной российской действительности и, соответственно, в каждом вузе выстраивать систему социальной защиты сотрудников и особенно профессуры, опираясь на собственные экономические возможности. В Тюменском университете в такой системе предусматривается зарплата профессора на уровне среднего чиновника областной администрации, содействие в улучшении жилищных условий, оплата путевок и лечение, доплата к пенсии из Фонда социальной защиты университета после ухода на заслуженный отдых. Все это возможно только при условии экономической самостоятельности вуза, его полноценной автономии. Это еще одна, далеко не последняя связка таких вопросов как университетская автономия и активное участие вузовских коллективов в формировании гражданского общества в России.

Из уроков истории надо извлекать пользу для решения проблем настоящего и недопущения еще более серьезных проблем в будущем. Не надо, который раз уже в российской истории, наступать на те же самые грабли. Умные люди учатся на чужих ошибках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития. М., 2003. С. 88.
2. Дилигенский Г. Г. Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы. М., 1998. С. 221.
3. Руденкин В. Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург, 2002. С. 4.
4. Проблемы становления гражданского общества в России. М., 2003. С. 28.
5. Севастьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1970. С. 347.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1899. Т. 54. С. 386.
7. Аврус А. Роль классических университетов в формировании гражданского общества // Университеты и общество: Сб. М., 2001. С. 137.
8. Официальные документы в образовании. 2000, № 14 (июль). С. 3

9. Колесников В. И., Круглов Ю. Г., Олесюк Е. В. Формирование системы управления университетами в России // Педагогика. 2003. № 2. С. 48.

10. Попков В. В. Университеты - точки роста современной цивилизации// Университеты и общество: Сб. М. 2001. С. 243.

11. Руденкин В. Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург. 2002. С. 90

**Владимир Ильич ЗАГВЯЗИНСКИЙ —
заведующий академической кафедрой,
доктор педагогических наук, профессор,
академик РАО, заслуженный деятель науки РФ**

УДК 37.014

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Автор высказывает предположение, что процесс реформирования образования в России является одновременно противоречивым и незавершенным, рассматривая теоретические и практические процессы тюменской академической педагогической школы в инновационном образовательном процессе.

The author, starting with an assumption, that the process of educational reforms in Russia is both contradictory and incomplete, considers theoretical and practical contribution of Tyumen academic pedagogical school into innovation development of education.

Современная ситуация в российском образовании со всей очевидностью свидетельствует, что проведенные в нем реформы не завершены, хотя современный период его развития поспешили назвать модернизацией, видимо, полагая, что наиболее существенные изменения уже позади и остается только усовершенствовать существующее. На всякий случай модернизацию назвали «глубокой». Действительно, за годы реформ удалось диверсифицировать систему, вывести образование на дорогу творческих исканий, снять пелену прежней заидеологизированности, сделать всю систему более демократичной, гуманистически ориентированной, вариативной и мобильной. Удалось пережить очень трудный период первой половины 1990-х гг., когда на образование обрушились многочисленные беды: скупое и нерегулярное финансирование, потеря части квалифицированных кадров, разрушение воспитательной системы, дошкольного образования, потеря многих позиций в профтехобразовании, в дополнительном образовании взрослых и детей. И тем не менее образование оказалось одной из немногих сфер, которая выжила, сохранила свой основной потенциал и способность к дальнейшему развитию. Произошло это потому, что усилия по стабилизации соединились со своего рода взрывом инноваций, образование выжило, обновляясь. И в этом потоке слились усилия новаторов-практиков, науки и высшей школы. Однако выявляется, что процесс обновления далек от завершения, что не решены как раз кардинальные вопросы дальнейшего развития образования. Гуманизация и ориентация на человека во многом еще остается лозунговой, не определены принципы конструирования содержания общего образования, не решены проблемы устранения перегрузки учащихся и сохранения их здоровья. Надвигается кадровый кризис, поскольку молодежь неохотно идет в образование из-за низкой оплаты труда и невысокого социального статуса педагога. Не определены принципы образовательной политики государства, его ответственности за состояние этой важнейшей социальной сферы, проблемы достойного финансирования и «вписывания» образовательной системы в условия рыночной экономики.